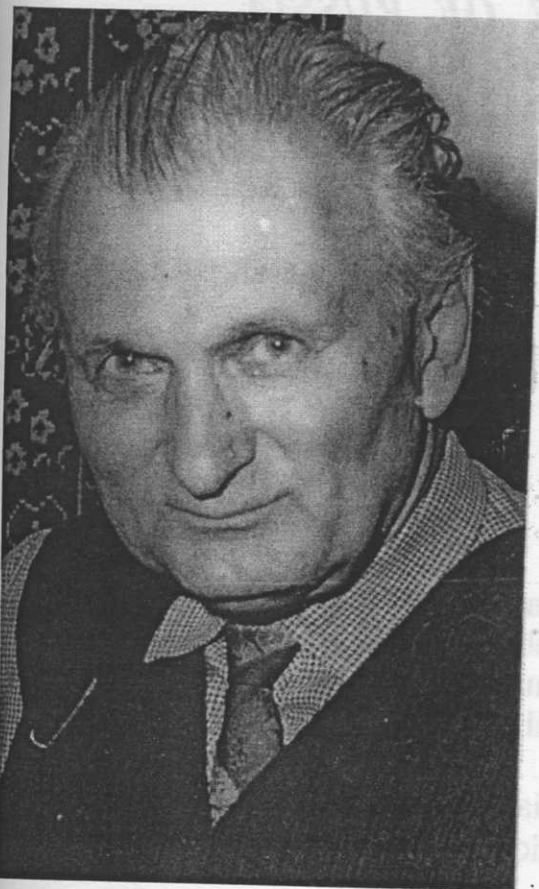

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА СЕРГЕЕВИЧА МИНЧЕНКО

8 января 1999 года Леониду Сергеевичу Минченко исполнилось бы 72 года. Трудно смириться и представить себе, что его нет с нами больше двух лет. До сих пор кажется, что он войдет в аудиторию со своим неизменным портфелем в руках, поздоровается, пошутит, улыбнется сам и приступит к делу, к которому у него было настоящее призвание. Безусловно, среди многочисленных талантов Леонида Сергеевича самым ярким был талант лектора, Учителя с большой буквы.

Познакомиться с Леонидом Сергеевичем мне повезло в 1981 году, когда встал вопрос о моем переходе на работу в ТГПИ. С первых минут разговора у меня исчезли последние сомнения в целесообразности такого шага и появилась уверенность в том, что с этим человеком меня будут связывать не просто формально-служебные отношения. Так оно и произошло в скором будущем. Очень многое в нем подкупало сразу и навсегда. Он был искренним, кристально порядочным человеком, органически не способным к фальши, лавированию, приспособленчеству. В крайних случаях, когда в силу обстоятельств или в интересах дела ему приходилось соглашаться с решениями, внутренне для него неприемлемыми, он делал это молча, скрепя сердце. Невозможно вообразить и вспомнить ни одного случая, когда он пел бы дифирамбы кому-нибудь или чему-нибудь вопреки своей совести. Может быть поэтому некоторым коллегам он казался суховатым, чересчур педантичным и не всегда понятным в мотивации своих поступков. Но никто, даже те, с кем у него не находилось общего языка, не смогли бы упрекнуть

его в некорректности, непоследовательности, конъюнктурности. Огромная трудоспособность, высокая требовательность (прежде всего к самому себе), исключительное чувство долга по отношению к учебному процессу, к своим административным обязанностям (долгие годы он был деканом физико-математического факультета, затем проректором по учебной работе) удивительным образом сочеталось у него с деликатностью, щепетильностью даже в мелочах, наконец, с умением прощать чужие промахи и признавать свои.

Можно только догадываться, как нелегко приходилось Леониду Сергеевичу, когда его принципы сталкивались с суровыми обстоятельствами времени, в котором он прожил почти всю сознательную жизнь. Насколько мне известно, он не поступался ими никогда, не уступая ни нажиму, ни соблазнам, которым подвергался не раз со стороны различных институций сталинского режима. При том при всем он был убежденным сторонником социалистического образа жизни и искренне верил в достижимость целей коммунистической идеологии. Однако будучи трезво и глубоко мыслящим человеком, способным трезво взглянуть фактам в глаза, он без больших колебаний принял необходимость радикальной перемены курса в конце 80-х годов. Для тех, кто его знал достаточно хорошо, совершенно ясно, что это решение, потребовавшее мужества и зрелости, не имело ничего общего с быстрой ориентацией по ветру, которую совершили многие официальные лидеры того времени.

В Леониде Сергеевиче удачно сочетался талант педагога с незаурядным даром ученого, философа, историка науки. Изучив в оригинале множество средневековых научных трактатов (на латыни! которой он владел свободно, наряду с еще несколькими европейскими языками), он сделал и опубликовал ряд историко-философских работ, приобретших широкую известность в нашей стране и за рубежом. Глубоко понимая методологию науки, логику ее развития, он весьма оригинально, творчески вплел в ткань читавшегося им курса теоретической физики философские, общекультурные проблемы. Вместе с тем Леонид Сергеевич живо интересовался и последними достижениями естествознания и всегда имел о них свое собственное, вполне квалифицированное мнение.

Множество людей на физико-математическом факультете, в университете, да и в городе отдавали себе ясный отчет в том, что вместе с такими людьми как Леонид Сергеевич Минченко исчезают, растворяются последние, очень редкие островки потомственной интеллигентности, высокой культуры, врожденного благородства. Да, нынешнее время выдвинуло множество достойных, образованных людей, достигших более громких ученых степеней и званий, чем были у Леонида Сергеевича. Однако высокие морально-этические нормы, которые он не проповедовал с трибуны, а исповедовал без всякого пафоса каждодневно, кажутся сейчас трудно достигаемыми ориентирами. Вот таким ярким, удивительным, редкостным и в то же время совершенно земным и доступным и останется Леонид Сергеевич навсегда в памяти друзей и близко знавших его коллег.

*Зав. кафедрой теоретической физики, д. ф.-м. н.,
профессор Ю.И. Головин*